

О. В. ЗугаУдмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2675-4818 **E-mail:** ozuga@rambler.ru.

Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и*, *или* в законодательных актах Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу сочинительных конструкций с союзами «и», «или» в законодательных актах Российской Федерации. На примере статей Уголовного и Гражданского кодексов показаны трудности восприятия и интерпретации рассматриваемых конструкций; предложены возможные способы устранения языковой неточности или ошибки. Так, в некоторых случаях замена союза «и» (даже при правильном его использовании) на союз «или» существенно облегчит процесс восприятия и интерпретации юридической нормы (ст. 30 УК РФ); в некоторых случаях замена союза «и» на союз «или» устраним двусмысленность (ст. 64 УК РФ); в некоторых — например, при использовании союза «или» — правильное согласование сказуемого с однородными подлежащими устраним грамматическую ошибку в тексте закона (ст. 62 УК РФ) и др. Анализ различных типов сочинительных конструкций в законодательных актах показал, что востребованными при их интерпретации в первую очередь оказываются традиционные методы грамматического анализа, устанавливающие структурно-семантические отношения компонентов предложения; описание сочинительных отношений в конкретном контексте невозможно вне характеристики семантики соединяемых ими компонентов. Материалы статьи могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике, при написании законодательных и иных официальных документов, а также при разработке методических рекомендаций по лингвистической экспертизе законопроектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; законодательные акты; сочинительные конструкции; русский язык; российское законодательство; нормативно-правовые акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зуга Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: ozuga@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зуга, О. В. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и*, *или* в законодательных актах Российской Федерации / О. В. Зуга // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 189-197. — DOI 10.26170/pl20-03-19.

- А кем ты будешь, когда вырастешь? — спросил Пелле.
— Растолстею и буду писать книги, как дядя Мелькер.
Пелле удивленно вскинул брови.
— Но ведь папа не толстый!
— Разве я это говорю?
— Как же, ты сказала, — поддакнула Стина.
— Ты что, глухая? — спросила Чёрвен.
— Я сказала, что буду писать книги, как дядя Мелькер, и что растолстею, но одно другого не касается.

Астрид Линдгрен. Мы — на острове Сальткрока

Существует немало работ, посвященных исследованию функционирования сочинительных конструкций в русском языке. Достаточно активно исследовались вопросы синтаксиса сочинительных конструкций, не раз поднимался вопрос о функциональной семантике сочинительных союзов. Материалом для исследований служили источники разных типов: старославянские тексты, диалектные записи, тексты художественной литературы, факты современного русского языка и др. [Николаева 1997; Ерещенко 2001; Урысон 2005; Санников 2008; Гаврилова 2015; Ковтуненко 2016].

В настоящее время сочинительные конструкции привлекают внимание ученых в связи с использованием их в языке права, точнее в законодательных актах Российской Федерации (см., например: [Чернышова 2007; Чернышова 2004; Судебная лингвистика 2015]). Проблемы, связанные с неоднозначным пониманием и интерпретацией законодательных актов, обусловлены, в частности, синтаксическим строением фраз. Именно поэтому особое внимание анализу конструкций с союзами *и/или* уделяется в рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов [Лингвистические реко-

мендации... 2013: 15]. Тем не менее до сих пор в процессе правовой коммуникации (часто для разрешения речевых конфликтов в судебных и досудебных разбирательствах) возникают ситуации, когда понимание смысла правовой нормы, зафиксированной в законодательных актах, невозможно без ее дополнительного анализа, для которого все чаще привлекаются специалисты в области русского языка.

В научной литературе, словарях и грамматиках русского языка у соединительного союза *и* зафиксировано множество значений. В. А. Белашапкина и некоторые другие исследователи разделяют точку зрения А. М. Пешковского, согласно которой союз *и* обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную дополнительными компонентами значения (цит. по [Санников 2008: 287]). Т. М. Николаева указывает на то, что основная функция союза *и* — передача одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на существующие пропозиции. Частными случаями такого представления событий является *одновременность* происходящих действий, ситуаций (*Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их*) или *последовательность* более мелких событий: представляемое большое событие может выглядеть как протекающее во времени (*Это успокаивает его, и он спускается дальше*) [Николаева 1997: 19—21].

БАС, кроме одновременности и последовательности, выделяет и другие значения: причинно-следственное (*Душно стало в сакле, я и вышел на воздух*), условно-следственное (*Публика должна осознать свои права на литературу, и тогда литература неуклонно пойдет вперед*); сопоставительное-противительное (*Он хотел встать с дивана, и не мог, хотел говорить слово — и язык не повиновался ему*); результативное (*Готовлюсь нежным быть, а свихнусь — и простыну*) (цит. по [Санников 2008: 284—286]).

Н. С. Валгина, признавая тот факт, что предложения с союзом *и* могут иметь разнообразные значения, указывает, какими именно средствами эти значения передаются в контексте: «...значение одновременности передается путем использования совпадающих видо-временных форм глаголов-сказуемых (хотя формы вида могут и не совпадать), особой перечислительной информации и некоторых лексических средств...» [Валгина 1991: 296].

Мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые, признавая большой семантический потенциал и широкие синтаксиче-

ские возможности союза *и* [Ерещенко 2001: 11], считают, что в сочинительных предложениях с союзом *и* все значения (кроме причинно-следственного) выражаются не союзом *и*, а другими средствами — лексическим составом, интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками (ср. пары: *Он сел и запел vs. Он запел и сел; Он сел и запел* [последовательность] vs. *Он сидел и пел* [одновременность]) [Санников 2008: 286, 289]); что проблема описания сочинительного союза «и» не может быть раскрыта вне характеристики семантики соединяемых им компонентов, так как это не знаменательное слово, а служебное и определить совокупность его семантических реализаций, которые могут быть включены в его словарные дефиниции, можно лишь описав всю совокупность возможных синтаксических употреблений, это элемент синтаксиса, и рассматривать синтаксическую структуру вне синтаксической конструкции невозможно [Ерещенко 2001: 26; Гаврилова 2015: 71 и др.].

Материалом для нашего исследования послужили статьи Уголовного и Гражданского кодексов Российской Федерации, имеющие в своем составе разнообразные семантико-синтаксические отношения, оформленные союзами *и* и *или*.

Пример 1

«Статья 30 УК РФ. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. 2. Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям».

Нетрудно заметить, что союз *и* присутствует не только в тексте статьи, но и в ее заголовке. Так как подобные конструкции (заголовки, названия, надписи и под.) не имеют признака предикативности, не содержат значения бытия (события), выполняют функцию называния (наименования), следовательно, выступая лишь в качестве логического *и*, союз выполняет в них функцию «чистой соединительности (конъюнкции)».

Проанализируем вторую часть статьи: «2. Уголовная ответственность наступает за приготовление только к *тяжкому и особо тяжкому преступлениям*» (выделено нами. — О. З.).

Комментируя эту норму, юристы обращают внимание на то, что «при буквальном толковании это правило интерпретируется следующим образом: уголовная ответственность предусмотрена за одновременное приготовление лица к совершению двух преступлений — тяжкого и особо тяжкого. Использование распространительного толко-

вания позволяет применять это правило, когда виновное лицо готовилось к совершению какого-либо одного преступления — тяжкого или особо тяжкого» [Сверчков, Шавлюк 2018: 268].

В приведенном контексте союз *и* употребляется для соединения двух слов, обозначающих однородные в определенном отношении признаки, и указывает на то, что перечисление данных признаков полностью исчерпано и не может быть продолжено далее. Собственно сочинительный союз *и* фиксирует одинаковую (смысловую и синтаксическую) отнесенность соединенных им компонентов (определений) к третьему (определяемому существительному) (см. об этом: [Валгина 1991: 237]). «Осознание человеком различных предметов, признаков, явлений объективной действительности как подобных друг другу, как одинаковых в каком-то отношении приводит к их выражению в языке как равноценных, равносоотнесенных с чем-то общим. Способом передачи сходства является сочинительная связь. Сходство предполагает не только подобие, но и различие» [Ерещенко 2001: 33]. Сходство анализируемых сочиненных членов заключается в их функции определения, в наличии у них общей семы — *тяжкое*, различие — в степени тяжести (*тяжкое* — *особо тяжкое*).

Основной семантический признак, положенный в основу классификации сочинительных союзов, — это отношение к реальной действительности, а именно реальность / нереальность / возможность описываемых событий. По этому признаку соединительные и противительные союзы, которые указывают на то, что *утверждение соответствует действительности относительно обоих конъюнктов*, противопоставляются разделительным, которые указывают на то, что утверждение может ей (действительности) соответствовать относительно одного. Ср. *красивая и глупая* (соединительный союз), *красивая, но глупая* (противительный союз) vs. *красивая или глупая* (разделительный союз) [Проект корпусного описания грамматики 2011]. Об этом же [Русский язык 1998: 526; Санников 2008: 179]: в соединительных конструкциях оба описываемых события имеют место (*Плачет и поет; Плачет, но поет; Плачет, а поет*). Следовательно, в анализируемой конструкции существительное *преступление* (в тексте закона — *преступления*) описано двумя определениями — *тяжкое* и *особо тяжкое*, — и оба признака соответствуют действительности, о чем свидетельствует соединительный союз

и. Очевидно, именно такие отношения имеет в виду автор одного из учебников по технике юридического письма, описывая их следующим образом: союз *и* означает *одновременное* наличие тех признаков, которые им соединены [Шугрина 2011: 53]. На наш взгляд, рассматривать сочинительные отношения двух определений вне синтаксической конструкции в целом неправильно, так как однородные компоненты могут при одних и тех же средствах выражения их связи по-разному относиться друг к другу с точки зрения их семантики [Ерещенко 2001: 5]. В одних случаях они могут быть связаны отношениями соединения, а в других — суммирования. Так, предложение *Нарыли очень много глубоких и больших ям* можно понимать двояко: 1) одни ямы большие, другие глубокие — здесь *и* показатель суммирования; 2) одни и те же ямы большие и глубокие — здесь *и* показатель соединения компонентов [Ерещенко 2001: 42—43].

Согласно предложенному подходу, анализируемый фрагмент *ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям* может иметь двоякое толкование: 1) есть тяжкие и есть особо тяжкие преступления — при отношениях суммирования; 2) одно и то же преступление является тяжким и особо тяжким — соединение признаков в одном объекте, отношения соединения. Так как второе толкование алогично (одно и то же преступление не может быть одновременно и тяжким, и особо тяжким), следовательно, речь идет о существовании двух явлений — есть тяжкие преступления, а есть особо тяжкие преступления. На это указывает и грамматическая форма определяемого существительного (*преступлениям*): форма мн. ч. подчеркивает наличие нескольких предметов [Розенталь 2001: 260; Валгина 1991: 235]. Это же отмечала Т. В. Леонтьева: форма мн. ч. используется при необходимости подчеркнуть наличие двух разных предметов или явлений (ср.: *очищающий и тонирующий лосьоны; торговый и одновременно развлекательный центр — торговый и развлекательный центры*) [Леонтьева 2014: 129]. См. пример выше *красивая и глупая*. Смысл этой конструкции будет зависеть от выбора формы существительного, ср.: *красивая и глупая девочка* — красивая и глупая девочка. В первом случае девочка одновременно и красивая, и глупая, а во втором описываются разные девочки.

Таким образом, из приведенной юридической нормы не следует, что названные признаки — *тяжкое* и *особо тяжкое* — яв-

ляются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (*тяжкое + особо тяжкое* одновременно); правонарушением является 1) приготовление к тяжкому преступлению, 2) приготовление к особо тяжкому преступлению.

Анализ приведенной юридической нормы еще раз доказал тезис о том, что «семантическая структура любого служебного слова складывается из совокупности лексического наполнения частей и синтаксической конструкции, в которой оно употребляется. Здесь тесно переплетаются его лексикоморфологические и синтаксические отношения. Синтаксическое окружение — это не только актуализатор слова „и“, а непосредственное проявление его семантики» [Ерещенко 2001: 26].

Одновременно с этим мы не можем не согласиться с предложением относительно анализируемой нами юридической нормы, высказанным в [Сверчков, Шавлюк 2018: 268]: «Для того чтобы устранить возможность неверной интерпретации рассматриваемой правовой нормы, законодатель надлежит использовать в её формулировке разделительный союз („или“, „либо“) вместо союза „и“». Использование союза *или*, который указывает на возможность выбора только одного из понятий [Валгина 1991: 237; Русская грамматика 2005, т. 2: 169], действительно может облегчить процесс восприятия и интерпретации текста закона. На это указывает и комментарий к анализируемой статье: «Уголовная ответственность возможна лишь за приготовление к тяжкому и (*читай: или*) особо тяжкому преступлению (ч. 2 коммент. статьи)» [Уголовный кодекс РФ 2020] (выделено нами. — О. З.). Отметим только, что при замене союза *и* на союз *или* поменяется и форма определяемого существительного, так как согласно [Розенталь 2001: 259; Леонтьева 2014: 129; Валгина 1991: 235] при наличии между определениями противительных, разделительных и сопоставительных союзов определяемое существительное ставится в форме ед. ч. (*песчаная или глинистая почва; не каменный, а деревянный мост*). Иными словами, вместо формы множественного числа *преступлениям* необходимо будет использовать форму единственного числа существительного: уголовная ответственность наступает за приготовление только к *тяжкому или особо тяжкому преступлению*.

Пример 2

«**Статья 64 УК РФ.** Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. 1. *При наличии ис-*

ключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания...» [Уголовный кодекс РФ 2020].

Члены сочинительной конструкции *При наличии исключительных обстоятельств и других обстоятельств* связаны отношениями суммирования, т. е. существуют два вида обстоятельств: 1) *исключительные обстоятельства*, 2) *другие обстоятельства*. В предложении есть еще и третий член сочинительного ряда — *активное содействие*. На наличие разных явлений указывает повторяющееся существительное *обстоятельств* и то, что каждый из однородных членов распространен обособленным причастным оборотом, т. е. имеет свой признак.

Согласно комментарию к этой статье, достаточным для снижения пределов назначения наказания является соблюдение лишь одного из перечисленных событий: «необходимо зафиксировать наличие по крайней мере одного из двух условий: а) исключительных обстоятельств дела или б) активного содействия участника группового преступления раскрытию этого преступления» [Уголовный кодекс РФ 2020]. Следовательно, союз *и* в анализируемой статье закона должен быть заменен на союз *или*, так как именно он, как уже было отмечено, указывает на возможность выбора только одного из понятий.

Пример 3

«**Статья 62 УК РФ.** Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. 1. *При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами „и“ и (или) „к“ части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствииотягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.* 2. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве *при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом „и“ части первой*

статьи 61 настоящего Кодекса, *и отсутствииотячающих обстоятельств срок или размер* наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [Уголовный кодекс 2020].

Союз *и* между однородными членами *при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствииотячающих обстоятельств* указывает на перечисление условий, каждое из которых должно быть выполнено. Ср.: «...при перечислении условий, из которых достаточно выполнение лишь одного, не допускается использование союза *и*; при перечислении условий, все из которых должны быть выполнены, не допускается использование союза *или*» [Судебная лингвистика 2015: 88]. Об этом же свидетельствует и комментарий к анализируемой норме: «2. По смыслу закона коммент. статья подлежит применению *при наличии* хотя бы одного из перечисленных в названных пунктах *смягчающих обстоятельств* (названные в ст. 63), наличие которых делает невозможным ссылку на ст. 62» [Уголовный кодекс 2020].

Здесь обращает на себя внимание союз *или*, при использовании которого допущена грамматическая ошибка: «1. ...*срок или размер* наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания...»; «2. ... *срок или размер* наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания...»

В приведенных контекстах союз *или* указывает на то, что законодателем предусмотрен выбор формы наказания: наказание может быть назначено *либо* в виде лишения свободы на определенный срок, *либо* в денежном эквиваленте (*размере*). Сказуемое в таких случаях должно иметь форму единственного (*не может*), а не множественного числа (*не могут*). Ср.: «Если между однородными подлежащими стоят разделительные союзы, показывающие, что в данный момент действует только один субъект, то сказуемое согласуется с ближайшим из подлежащих: *Прежний страх или мгновенный испуг уже через минуту кажется и смешным, и странным, и непонятным*» [Розенталь 2001: 248]. Это же правило зафиксировано в лингвистических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов: при наличии в предложении однородных подлежащих или однородных дополнений,

используемых в единственном числе и связанных разделительным союзом (*или, либо*), сказуемое ставится в единственном числе, определение — во множественном числе («*Застройщик или технический заказчик обязан* предоставить такому лицу...»). Пример неверного согласования главных членов предложения: «Если *поставщик или покупатель* не воспользовались правами...» — надо: «Если *поставщик или покупатель* не воспользовался правами...» [Лингвистические рекомендации... 2013: 14].

Пример 4

«ГК РФ. Статья 152.1. Охрана изображения гражданина. 1. *Обнародование и дальнейшее использование* изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) *допускаются* только с согласия этого гражданина».

Вопрос заключается в том, следует ли из приведенной юридической нормы, что названные условия — обнародование и использование изображения гражданина — являются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (обнародование + дальнейшее использование = правонарушение), или для фиксации правонарушения достаточно выполнения одного из условий: а) правонарушением является обнародование изображения гражданина без его согласия; б) правонарушением является использование изображения гражданина без согласия.

Обращает на себя внимание лексема *дальнейшее*, описываемая в толковых словарях следующим образом: *дальнейший* 'происшедший или происходящий вслед за чем-либо; последующий' [Большой толковый словарь]. Следовательно, союз *и* в анализируемом контексте указывает на последовательность двух действий, причем второе действие (*использование изображения*) возможно только после наступления первого (*обнародование изображения*): сначала *обнародование*, потом — *дальнейшее использование*. Ср. аналогичные примеры из других нормативных правовых актов:

1. Ст. 137 Жилищного кодекса РФ: «Права товарищества собственников жилья: 3) *получать* в пользование *либо* получать или приобретать в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме *земельные участки для осуществления жилищного строительства, возведения хозяйственных и иных построек и их дальнейшей эксплуатации*».

Дальнейшая эксплуатация не возможна без возведения.

2. Статья 50 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Порядок отбывания наказания в виде ограничения свободы: е) необходимость решения следующих вопросов при трудоустройстве: *явка в органы службы занятости населения для регистрации и дальнейшего взаимодействия* с этими органами в целях поиска подходящей работы либо регистрации в качестве безработного, если в установленных судом пределах территории отсутствуют соответствующие органы службы занятости населения».

Дальнейшее взаимодействие предполагает сначала регистрацию.

3. Статья 177 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Отсрочка отбывания наказания осужденным: 7. Уголовно-исполнительная инспекция *ставит осужденного на учет и в дальнейшем осуществляет контроль* за его поведением».

4. Статья 178.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Отсрочка отбывания наказания осужденным, признанным в установленном порядке больным наркоманией, и контроль за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания: 4. Уголовно-исполнительная инспекция *ставит осужденного на учет и в дальнейшем осуществляет контроль* за его поведением и прохождением им курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации».

Без постановки на учет не возможен контроль.

Получается, что в анализируемой нами норме (ст. 152.1 ГК РФ) названные условия — обнародование и использование изображения гражданина — являются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (обнародование + дальнейшее использование = правонарушение).

Рассмотрим судебную практику.

Ситуация 1. Согласно [Кассационное определение судебной коллегии...], судом было установлено, что *Максимова Е. В.* принимала участие в 4 фотосессиях, организованных ответчицей. В устном порядке она *дала согласие на размещение своих фотографий в методическом пособии в небольшом объеме для узкого круга людей*, занимающихся техникой наращивания волос и плетением афрокосичек. *Однако согласия на обнародование (опубликование)* своего фотографического изображения, в том числе на размещение *в сети Интернет* на сайте «Ювента», истица ни в устной, ни в письменной форме *ответчику не давала*... При таких обстоятельствах, *судом сделан правомерный и мотивированный вывод* о том, что ответчиком были нарушены личные неимущественные права истца Максимовой Е. В.,

связанные с *незаконным размещением ее фотографий на сайте компании «Ювента»*, в связи с чем взыскана компенсация морального вреда.

Ситуация 2. Согласно [Апелляционное определение от 8 февраля 2013...], и на обложке, и на странице 7 помещено изображение истицы. Истица своего согласия на *использование ее изображения* (фотографии) в указанном печатном издании не давала. Поскольку ответчик неправомерно использовал изображение истицы без ее согласия, он нарушил ее неимущественное право и причинил ей моральный вред, который подлежит возмещению.

Приведенные примеры из судебной практики показывают, что для фиксации правонарушения достаточно выполнения одного из условий: а) правонарушением является обнародование изображения гражданина без его согласия (ситуация 1); б) правонарушением является использование изображения гражданина без согласия (ситуация 2).

Следует ли из этого, что союз *и* в анализируемой статье закона должен быть заменен союзом *или*? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос, так как при смене союза остается нерешенным вопрос о том, как интерпретировать в тексте закона лексему *дальнейшее*, а ведь, как известно, «ни одно слово в тексте юридического документа не может быть лишним или лишенным смысла» [Судебная лингвистика 2015: 90].

Таким образом, проблемы, которые возникают на стыке языка и права, достаточно сложны и требуют дальнейших теоретических разработок. Анализ нескольких типов сочинительных конструкций в Уголовном и Гражданском кодексах Российской Федерации показал, что востребованными при их интерпретации в первую очередь оказываются традиционные методы грамматического анализа конструкции, устанавливающие структурно-семантические отношения компонентов предложения. Далее, по нашему мнению, целесообразно подвергнуть анализу более широкий материал (большее количество контекстов), который, возможно, позволит сформулировать более полные рекомендации по анализу и использованию сочинительных конструкций в юридических, в частности законодательных, текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 8 февраля 2013 г. по делу N 11-1434. — URL: <https://www.drive2.ru/b/944374/> (дата обращения: 20.03.2020). — Текст: электронный.

2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов // Справочно-информационный портал «Гра-

мота.ру — русский язык для всех». — URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 26.04.2020). — Текст : электронный.

3. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 1991. — 432 с. — Текст : непосредственный.

4. Гаврилова, Г. Ф. О семантике и функциональных потенциях сочинительных союзов / Г. Ф. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2015. — Т. 14. — Вып. 9 : Филология. — С. 71—77.

5. Ерещенко, М. В. Конструкции со служебным словом «И» и их разновидности в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Ерещенко М. В. — Ростов-на-Дону, 2001. — 150 с. — Текст : непосредственный.

6. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 07 сентября 2011 года по делу № 33-8697/2011 А-57 // Судебные решения РФ: единая база данных судебных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. — URL: <http://old.xn--90afdbaa0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791> (дата обращения: 13.02.2020). — Текст : электронный.

7. Ковтуненко, И. В. Сочинительные союзы в контрастивном аспекте: семантика, функции, прагматика (на материале русского и французского языков) : моногр. / И. В. Ковтуненко ; ред. Г. Ф. Гаврилова. — Ростов-на-Дону, 2016. — 126 с. — Текст : непосредственный.

8. Леонтьева, Т. В. Документная лингвистика : учеб. пособие / Т. В. Леонтьева. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 256 с. — Текст : непосредственный.

9. Лингвистические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. — Москва : Издание Государственной Думы, 2013. — 40 с. — Текст : непосредственный.

10. Николаева, Т. М. Сочинительные союзы *a, no, u*: история, сходства и различия / Т. М. Николаева. — Текст : непосредственный // Славянские сочинительные союзы / Российская академия наук. — Москва, 1997. — С. 3—24.

11. Проект корпусного описания русской грамматики / рук. проекта В. А. Плунгян. — 2011. — URL: <https://bit.ly/2UYDVWk> (дата обращения: 10.04.2020). — Текст : электронный.

12. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. — Москва : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2001. — 381 с. — Текст : непосредственный.

13. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; Е. А. Брызгунова и др. — Москва, 2005. — Т. 2. — 712 с. — Текст : непосредственный.

14. Русский язык : энциклопедия. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Российской академии наук ; гл. ред. Ю. Н. Караулов. — Изд-е 2-е, перераб. и доп. — Москва : Дрофа, 1998. — 703 с. — Текст : непосредственный.

15. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — Текст : непосредственный.

16. Сверчков, В. В. Актуальные вопросы языкового выражения уголовно-правовых норм в связи с необходимостью их распространительного и ограничительного толкования / В. В. Сверчков, В. Б. Шавлюк. — Текст : непосредственный // Язык. Право. Общество : сборник статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барбаш. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. — С. 266—268.

17. Судебная лингвистика : моногр. / О. Н. Матвеева [и др.]. — Барнаул : Концепт, 2015. — 310 с. — Текст : непосредственный.

18. Уголовный кодекс РФ. 2020. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 27.01.2020. — URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf> (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.

19. Урысон, Е. В. Материалы к семантическому описанию русского слова *и* / Е. В. Урысон. — Текст : непосредственный // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН ; отв. ред. В. Н. Топоров. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 374—390.

20. Чернышова, Т. В. «...Недонка признается безнадежной и списывается...» (анализ пункта 1 статьи 59 Части 1 Налогового кодекса РФ) / Т. В. Чернышова. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 451—460. — Текст : непосредственный.

21. Чернышова, Т. В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом *и* как объект лингвистической экспертизы) / Т. В. Чернышова. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2004. — С. 75—84. — Текст : непосредственный.

22. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма / Е. С. Шугрина. — Москва : Дело, 2011. — 272 с. — Текст : непосредственный.

O. V. Zuga

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2675-4818

 E-mail: ozuga@rambler.ru.

Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions *и* and *и/и* in Legislative Acts of the Russian Federation

ABSTRACT. *The article deals with analysis of coordinating constructions with the conjunctions “и” (and) and “и/и” (or) in the legislative acts of the Russian Federation. The problems with perception and interpretation of the constructions under analysis are demonstrated on the material of the articles of the Criminal and the Civil Codes. The article outlines the ways to avoid or correct linguistic inaccuracies or mistakes. For example, in some cases, the replacement of the conjunction “и” (even when it is used correctly) by the conjunction “и/и” considerably facilitates perception and interpretation of the legal norm (Criminal Code of the Russian Federation, art. 30); in some cases replacement of the conjunction “и” by the conjunction “и/и” eliminates ambiguity of the legal norm (Criminal Code of the Russian Federation, art. 64); sometimes, for example, when the conjunction “и/и” is used, correct coordination of the predicate with homogeneous subjects eliminates a grammar mistake in the text of the law (Criminal Code of the Russian Federation, art. 62), etc. The analysis of various types of coordinating constructions in legislative acts has shown that the traditional methods of grammatical analysis establishing the structural-semantic relationships between the sentence components are highly demanded for their interpretation in the first place; the description of coordinating relationships in a specific context is impossible without the characteristic of the semantics of the components connected by them. The article materials may be used for further research in this area, for the preparation of legislative and other official documents and for the development of guidelines in the methods of linguistic examination of bills.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; legislative acts; coordinating constructions; Russian; Russian law; normative-legal acts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zuga Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

FOR CITATION: *Zuga, O. V. Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions *u* and *uiu* in Legislative Acts of the Russian Federation / O. V. Zuga // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 189-197. — DOI 10.26170/pl20-03-19.*

REFERENCES

1. The appellate determination of the judicial board for civil cases of the Moscow City Court of February 8, 2013 in the case N 11-1434. — URL: <https://www.drive2.ru/b/944374/> (date of access: 20/03/2020). — Text : electronic. [Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 8 fevralya 2013 g. po delu N 11-1434 [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.drive2.ru/b/944374/> (data obrashcheniya: 20.03.2020). — Tekst : elektronnyj]. — (In Rus.)
2. The large explanatory dictionary of the Russian language. — Text : electronic / Ch. ed. S. A. Kuznetsov // Reference and information portal GRAMOTA.RU — Russian language for everyone. URL: <http://gramota.ru/> (date of access: 26/04/2020). [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov // Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU — russkij yazyk dlya vsekh]. — (In Rus.)
3. Valgina N. S. Syntax of the modern Russian language. — Moscow : Higher School, 1991. — 432 p. — Text : direct. [Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. — M.: Vysshaya shkola, 1991. — 432 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
4. Gavrilova G. F. On semantics and functional potentials of coordinate conjunctions. — Text : unmediated // Bulletin of Novosib. State University. — Series: History, Philology. — 2015. — Vol. 14. — Issue. 9: Philology. — P. 71—77. [Gavrilova G. F. O semantike i funkcional'nyh potentsiyah sochinitel'nyh soyuzov. — Tekst : neposredstvennyj // Vestn. Novosib. gos. un-ta. — Seriya: Istoriya, filologiya. — 2015. — T. 14. — Vyp. 9: Filologiya. — S. 71—77]. — (In Rus.)
5. Ereshchenko M. V. Syntactic constructions with the conjunction “I” and their variants in modern Russian : scientific specialty 10.02.01 «Russian language»: the dissertation ... cand. filol. of sciences / M. V. Ereshchenko. — Rostov-on-Don, 2001. — 150 c. — Text : unmediated. [Ereshchenko M. V. Konstrukcii so sluzhebnyim slovom «I» i ih raznovidnosti v sovremennom russkom yazyke : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk»: dis. ... kand. filol. nauk / M. V. Ereshchenko. — Rostov-na-Donu, 2001. — 150 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
6. The cassation ruling of the judicial board for civil cases of the Krasnoyarsk Regional Court of September 7, 2011 in the case No. 33-8697 / 2011 A-57. — Text : electronic // Judicial decisions of the Russian Federation: a single database of judicial decisions of courts of general jurisdiction of the Russian Federation. — URL: <http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791> (date of access: 13/02/2020). [Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 07sentyabrya 2011 goda po delu № № 33-8697/2011 A-57. — Tekst : elektronnyj // Sudebnye resheniya RF: edinaya baza dannyh sudebnyh reshenij sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii. — URL: <http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791> (data obrashcheniya: 13.02.2020)]. — (In Rus.)
7. Kovtunen I. V. Coordinate conjunctions in a contrasting aspect: semantics, functions, pragmatics (based on Russian and French languages): monograph / ed. G. F. Gavrilova. — Rostov-on-Don, 2016. — 126 c. — Text : unmediated. [Kovtunen I. V. Sochinitel'nye soyuzy v kontrastivnom aspekte: semantika, funkcia, pragmatika (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov): monografiya / red. G. F. Gavrilova. — Rostov n/Donu, 2016. — 126 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
8. Leontyeva T. V. Document linguistics: a training manual. — Moscow : Flinta : Science, 2014. — 256 p. — Text : unmediated. [Leont'eva T. V. Dokumentnaya lingvistika: ucheb. posobie. — M.: Flinta : Nauka, 2014. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
9. Linguistic recommendations for the linguistic examination of bills. — Moscow : Publication of the State Duma, 2013. — 40 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskie rekomendacii po lingvisticheskoj ekspertize zakonoproektov. — M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2013. — 40 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
10. Nikolaeva T. M. Coordinate conjunctions *a*, *no* (but), *i* (and): history, similarities and differences. — Text : unmediated // Slavic coordinating conjunctions / the Russian Academy of Sciences. — Moscow, 1997. — Pp. 3—24. [Nikolaeva T. M. Sochinitel'nye soyuzy *a*, *no*, *i*: istoriya, skhodstva i razlichiya. — Tekst : neposredstvennyj // Slavyanskije sochinitel'nye soyuzy / Rossijskaya akademiya nauk. — M., 1997. — S. 3—24]. — (In Rus.)
11. The draft corpus description of Russian grammar. — Text : electronic / project Manager V. A. Plungyan. 2011. — URL: <https://bit.ly/2UYDVKw> (date of access: 10/04/2020). [Proekt korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. — Tekst : elektronnyj / ruk. proekta V. A. Plungyan. 2011. — URL: <https://bit.ly/2UYDVKw> (data obrashcheniya: 10.04.2020)]. — (In Rus.)
12. Rosenthal D. E. Handbook of the Russian language. Practical styling. — Moscow : ONIX 21st Century Publishing House: Peace and Education, 2001. — 381 p. — Text : unmediated. [Rozenal' D. E. Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika. — M.: Izdatel'skij dom «ONIKS 21 vek»: Mir i obrazovanie, 2001. — 381 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
13. Russian grammar: scientific works / Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute V. V. Vinogradova; E. A. Bryzgunova and others. — Moscow, 2005. — Vol. 2. — 712 p. — Text : unmediated. [Russkaya grammatika: nauchnye trudy / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova; E. A. Bryzgunova i dr. — M., 2005. — T. 2. — 712 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
14. Russian language. Encyclopedia. 2nd ed., rev. and add. / Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences; ch. ed. Yu. N. Karaulov. — Moscow : Publishing House “Drofa”, 1998. — 703 p. — Text : unmediated. [Russkij yazyk. Enciklopediya. Izd-e 2-e, pererab. i dop. / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova Rossijskoj Akademii nauk; gl. red. YU. N. Karaulov. — M.: Izdatel'skij dom «Drofa», 1998. — 703 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
15. Sannikov V. Z. Russian syntax in semantic-pragmatic space. — Moscow : Languages of Slavic cultures, 2008. — 624 p. — Text : unmediated. [Sannikov V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. — M.: YAzyki slavyanskikh kultur, 2008. — 624 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
16. Sverchkov V. V., Shavlyuk V. B. Actual issues of the linguistic expression of criminal law in connection with the need for their widespread and restrictive interpretation. — Text : unmediated // Language. Right. Society. Digest of articles of the 5th International scientific and practical conference / under the general ed. O. V. Barabash. — Penza: Publishing house of PSU, 2018. — Pp. 266—268. [Sverchkov V. V., Shavlyuk V. B. Aktual'nye voprosy yazykovogo vyrazheniya ugolovno-pravovyh norm v svyazi s neobhodimost'yu ih rasprostranitel'nogo i ogranichitel'nogo tolkovaniya. — Tekst : neposredstvennyj // YAzyk. Pravo. Obshchestvo. Sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshch. red. O. V. Barabash. — Penza: izd-vo PGU, 2018. — S. 266—268]. — (In Rus.)
17. Judicial linguistics: monograph / O. N. Matveeva [et al.]. — Barnaul : Concept, 2015. — 310 p. — Text : unmediated. [Sudebnaya lingvistika: monografiya / O. N. Matveeva [i dr.]. — Barnaul: Koncept, 2015. — 310 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

18. The Criminal Code of the Russian Federation 2020. The current version with Comments as of 01/27/2020. — Text : electronic. — URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf> (date of access: 25/03/2020). [Ugolovnyj kodeks RF 2020. Aktual'naya redakciya s Kommentariyami po sostoyaniyu na 27.01.2020. — Tekst : elektronnyj. — URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf> (data obrashcheniya: 25.03.2020)]. — (In Rus.)

19. Uryson E. V. Materials for the semantic description of the Russian word и (and). — Text : direct // Language. Personality. Text: Digest of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; exec. ed. V. N. Toporov. — Moscow : Languages of Slavic cultures, 2005. — P. 374—390. [Uryson E. V. Materialy k semanticheskomu opisaniyu russkogo slova i. — Tekst : neposredstvennyj // YAzyk. Lichnost'. Tekst: Sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoj / In-t slavyanovedeniya RAN; otv. red V. N. Toporov. — M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2005. — S. 374—390]. — (In Rus.)

20. Chernyshova T. V. "... The arrears are recognized as hopeless and liquidated ..." (analysis of paragraph 1 of Article 59 of

Part 1 of the Tax Code of the Russian Federation) // Jurislinguistics. 2007. — № 8. — Pp. 451—460. — Text : unmediated. [Chernyshova T. V. «...Nedoimka priznaetsya beznadezhnoj i spisyvaetsya...» (analiz punkta 1 stat'i 59 CHasti 1 Nalogovogo kodeksa RF) // YUrislingvistika. 2007. — № 8. — S. 451—460. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

21. Chernyshova T. V. Features of the interaction of natural and legal languages in legal practice (syntactic construction based on a composing connection with the conjunction и (and) as an object of linguistic examination) // Jurislinguistics. — 2004. — P. 75—84. — Text : unmediated. [Chernyshova T. V. Osobennosti vzaimodejstviya estestvennogo i yuridicheskogo yazyka v yuridicheskoy praktike (konstrukciya na osnove sochinitel'noj svyazi s soyuzom i kak ob'ekt lingvisticheskoy ekspertizy) // YUrislingvistika. — 2004. — S. 75—84. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

22. Shugrina E. S. Technique of legal writing. — Moscow : Delo, 2011. — 272 p. — Text : unmediated. [SHugrina E. S. Tekhnika yuridicheskogo pis'ma. — M.: Delo, 2011. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)